

Николь Фиорина

18+

остаётся
ОСТАНЬСЯ
СО
мною
МНОЮ

Иногда самая темная дорога
ведет тебя к свету

LAV. Романтика

Николь Фиорина
Останься со мной

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Фиорина Н.

Останься со мной / Н. Фиорина — «Издательство АСТ»,
— (LAV. Романтика)

ISBN 978-5-17-153898-9

Чтобы спасти девятнадцатилетнюю Мию от самой себя, ее отправляют в Университет Долор. Это частный исправительный колледж и в то же время игровая площадка для ненормальных и опасных молодых людей. Но Мию это не волнует. Ей важно чувствовать себя нужной, чтобы пережить это. Она решает, что не будет высовываться, будет игнорировать всех и переживет следующие два года без особых усилий. Однако Мия никак не ожидала встретить Олли Мастерса. Зеленые глаза, татуировки и голос поэта быстро притягивают девушку к нему. Но из-за своих социопатических наклонностей она знает, что это может закончиться только одним из двух вариантов. Либо Оливер освободит Мию от прошлого, либо она уничтожит его.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-153898-9

© Фиорина Н.

© Издательство АСТ

Содержание

Пролог	6
Один	8
Два	11
Три	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Николь Фиорина Останься со мной

Nicole Florina
Stay With Me

© Copyright © Nicole Florina

© Ефросинья Аникина, перевод на русский язык

© В оформлении макета использованы материалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Потерявшиеся и непонятые, это – для вас

Пролог

Ты стояла передо мной, воспоминание, – и не узнавала меня. Ты забывала вспомнить или вспоминала, чтобы забыть?

Оливер Мастерс

Мия

Никогда не забуду день, когда тебя потеряла. Ты чуть приподнял голову, и наши взгляды встретились. Там, где прежде щемящая ранимость сталкивалась с любопытством, я видела лишь пустоту. Теперь это была настоящая бездна. Твои зеленые глаза никогда не были такими тусклыми. Что-то внутри меня тут же оборвалось, полетело вниз все быстрее и быстрее, туда, где не было стен, не было дна – только темнота.

А потом ты отвел взгляд.

Плоть моя, кровь моя, воздух в моих легких – все куда-то рухнуло, все рассыпалось на сотни маленьких кусочков, которые все еще держались на тонкой нити, ведущей к моему сердцу. Оно билось на автопилоте, словно перестало быть частью моего тела. Стук его отдавался в ушах, и я так хотела, чтобы оно остановилось, но сердце мое не было к этому готово. Оно продолжало биться в четком ритме, отказывалось мириться с тем, что видели мои глаза.

«Посмотри на меня снова», – подумала, взмолилась я.

И я ждала.

Две секунды прошло. Потом три... мое тело стало слабым из-за того, что между нами ничего не осталось, но сердце все еще билось.

Четыре.

А потом твой взгляд вернулся.

И пусть того, что когда-то нас связывало, больше не существовало, но я помню все так ясно. Это нечестно. Могла ли я принять эту пустоту в твоём взгляде, когда раньше он сиял любопытством? Конечно, что бы ты ни предложил – все лучше, чем ничего. Если бы ты обернулся... Заметил ли ты меня вообще?

А потом ты сделал шаг в сторону.

Просто исчез в неизвестности, и я не смогла тебя вернуть, но в сердце все еще билась алая надежда.

«Останься со мной», – повторял ты снова и снова.

Кто бы мог подумать, что это ты уйдешь первым?

Я кричу, разве ты меня не слышишь? Почему ты со мной не остался?

Я не смогла поцеловать тебя на прощание. Тебя больше не было, хотя ты сидел в двадцати футах от меня. И я по тебе скучала. Но, может быть, ты очнешься и снова повернешься ко мне. Или очнусь я.

В любом случае сейчас мы в кошмаре.

Заставляю себя закрыть глаза: не могу смотреть на то, как ты уходишь. Каждый шаг отдается эхом, все сильнее отдаляя возможность твоего возвращения. Во тьме лучше. Если я просижу с закрытыми глазами подольше, то однажды увижу звезды.

Я сосредоточилась на желто-оранжевом горизонте под веками, представила, что смотрю на закат. Горько. Единственным теплом, что я чувствовала, была соленая вода, собирающаяся в уголках глаз. Слезы сражались с той же ложью, что и мое быющее сердце.

Я бы хотела поменяться с тобой местами, потому что не заслуживаю мира, озаренного твоим светом. Ты не заслуживаешь того, что с тобой случилось.

Но я... я заслуживаю.

В самом начале я просто хотела повеселиться. Думала, что ты поможешь мне хорошо провести время, а после получится уйти от тебя безо всяких сожалений. Это ведь я топтала чужие сердца, но теперь... теперь это мое сердце истекало кровью. До тебя окружающие меня стены были неприступными.

Теперь не осталось ни тебя, ни стен, и я медленно задыхалась. Не могла и подумать, что из нас двоих именно мне придется все потерять.

Один

Падая сквозь тьму, она не кричала о помощи. Она давно лишилась рассудка.

Ей нравилось падать.

Оливер Мастерс

Когда мачеха находила в моем шкафу очередного парня, то тут же сообщала, что однажды меня куда-нибудь посадят за безрассудное поведение. Я ей не верила. Да и какое мне вообще дело? Ее слова меня только бесили и раздражали.

Потому однажды я украла ключи от ее BMW третьего поколения и врезалась прямо в гаражную дверь.

Диана устала от моих выкрутасов и винила во всем отца, а он, в свою очередь, все меньше верил в то, что меня можно вылечить. Мой отец был человеком простым и не чурался пассивной агрессии. Он выслушивал совершенно выдуманную тираду, льющуюся с идеально накрашенных губ Дианы, сидя за обеденным столом и глядя в пустоту.

Мне ведь даже не особо нравился тот парень. Я просто хотела хоть что-то почувствовать. Что угодно.

Мне было почти девятнадцать, когда отец и мачеха решили обратиться к властям: инцидент с BMW стал последней каплей. Это стало моим последним предупреждением, меня действительно готовы были запереть в психушке, если бы отец не убедил судью отправить меня в Долор – заведение у черта на куличках, созданное для таких, как я.

Не поймите неправильно: я знала, что у меня проблемы. Но я никогда не думала о том, что существуют такие же люди. Тем более в таком количестве, чтобы открыть для них целую школу.

В какой момент мне стало хуже? Полагаю, так было с самого начала. Я разрешала парням пользоваться собой не ради них.

Все это было выгодно только мне.

Так хотелось чувствовать на себе их руки, их губы, их нетерпение и возбуждение, будто бы это могло помочь разжечь во мне хоть что-то. Этого никогда не случалось, но я всегда надеялась, что рано или поздно сработает. Боль, желание, гнев, страсть – хоть что-нибудь. Сердце мое оставалось камнем. Душа уже окоченела, если у меня вообще была душа. Я в этом сомневалась.

Чемодан я успела собрать только наполовину: он лежал на краю кровати, а я нависала над ним сверху. Мне нечего было с собой взять. Фотографий не было, любимых одеяла или подушки – тоже, у меня не было вещей даже из разрешенного списка. Радовали лишь мои наушники, но их наверняка конфискуют у входа. Я открыла ящик прикроватного столика, достала оттуда коробочку с презервативами – их, вроде, не запрещали – и запихнула в тайный кармашек на дне чемодана.

Довольная собой, я с силой захлопнула крышку чемодана и застегнула молнию. На Диану я не злилась. Если бы злилась, это значило бы, что чувства у меня все-таки есть. На самом деле я ее даже не винила: если бы у меня была такая падчерица, я бы тоже позвонила копам.

– Мия, ты собралась? – прокричал отец с первого этажа. Я не ответила.

– Мия Роуз Джетт!

– Еще две минуты! – Я поставила едва заполненный чемодан у двери комнаты и оглядела голые стены своей тюрьмы. В конце концов, скоро я въеду в новую.

Я никогда ничего не вешала на стены. Ничего не оставляла на кровати, у зеркала или на столе. Никаких кусочков личности. Когда я выйду за дверь, то никто не догадается, что именно

я здесь жила. Они наверняка сделают из этой комнаты гостевую спальню. У Дианы – зуб даю – уже есть доска на «Пинтересте» для нового декора.

– Ох, нет. В этом ты не поедешь. – Стоявшая у лестницы Диана подняла на меня недовольное лицо.

Высветленные волосы она стригла коротко, и прическа ее оставалась идеальной, даже когда она слегка склоняла голову. Слишком много лака. Если подумать, я никогда в жизни не видела ее другой: волосы уложены, выпрямлены, каждая прядь на своем месте. Даже когда она занималась 15-минутной зарядкой после обеда с приоткрытой дверью.

– А что не так с моей одеждой? – Я опустила взгляд на свою огромную черную футболку с надписью «МИЛАЯ ПСИХОПАТКА» и поношенные джинсовые шорты, из которых торчали мои тонкие куриные ножки.

Из-за футболки можно было подумать, что на мне ничего нет. Но это было не так. *Обещаю, папа.*

– Все так. Поехали. Мы и так уже опаздываем в аэропорт. – Отец помахал мне рукой.

Он изо всех старался избежать скандалов, и я иногда задумывалась: кого он боится больше, меня или Диану? Я стояла на лестнице и только теперь заметила залысину, на которую он все это время жаловался. Раньше я никогда ему не верила, но теперь все разглядела. Когда-то он был вполне симпатичным мужчиной, но даже присутствие Дианы не убергло его от одиночества, которое выжало из него все соки. Под карими глазами висели мешки, и мышцы его тоже обвисли.

Брак с кем угодно подобное сделает.

Я начала спускаться, чемодан подпрыгивал за мной на каждой ступени.

– Могла хотя бы причесаться, – пробормотала Диана, выходя из двери передо мной и отцом. Я сжала губы – ну и двуличная же она! Я ведь хотя бы *могла* провести расческой по волосам, в отличие от нее.

– Еще чуть-чуть. – Отец схватился за ручку чемодана и поставил его позади себя.

И он был прав. Еще одиннадцать с половиной часов, и я окажусь примерно за три тысячи четыреста сорок семь миль от них обоих. Он хотел идеальной жизни, поэтому мне в ней места не было. И ладно. Я подготовилась. Я знала, что ждет меня на той стороне.

Институт Долор был исправительным заведением, тюрьмой, созданной специально для беспокойных душ и преступников с ментальными заболеваниями, зависимостями и неважнецким воспитанием, которые привели их на кривую дорожку. Располагался он в Британии. Полагаю, они выбрали его неслучайно: так родители не будут чувствовать себя обязанными меня навещать. Этому я тоже не противилась. Пусть отправляют куда угодно: не хочу находиться рядом с людьми, которые меня терпят. Изоляция для меня – рай на земле, лучше не придумаешь.

По дороге в аэропорт я пялилась в окно, наматывая грязную коричневую прядь на палец. Отец же разглагольствовал об институтском расписании.

– С историей Мии Роуз... нужно было определить ее в чисто женскую школу, – нахмурилась Диана.

– Мие Роуз не повредит разнообразие, – напомнил ей отец.

– Мия Роуз сидит прямо здесь и может говорить за себя сама, – сообщила я им обоим.

Диана осталась в машине, а отец сопровождал меня через пост охраны. Дальше он пройти не мог. Хотя странно, что он вообще зашел так далеко.

Глаза его вдруг заполнились слезами.

– Прости, Мия.

Отцу никогда не давались речи. Но и мне тоже. Прошла пара секунд, а он все еще не мог посмотреть мне в глаза. Он никогда не мог смотреть мне в глаза – даже когда я с ним говорила. Он смотрел сквозь меня, словно я была привидением.

Посмотри на меня, папа.

Но он кивнул, развернулся и оставил меня. Даже не обернулся.

А я стояла там, глядя ему вслед и прижимая паспорт с билетом на самолет к груди.

Два

*Это произошло мгновенно, взаимопонимание между разумом,
телом и душой.*

Все разом покинуло ее. Поднялись стены.

Но внутри она кричала. Тьма была неизбежна.

Все произошло мгновенно.

Оливер Мастерс

Полет выдался неплохим: никаких кричащих деток, никаких болтушек. Хотя я никогда не выглядела настроенной на разговор, и люди обычно держались от меня подальше. Лицо сволочи – не сказки, и яда своего я не скрывала: носила на видном месте. Но только не в сердце – оно у меня выполняло исключительно физическую работу. К сожалению, пока еще выполняло.

Весь полет я провела в наушниках, привалившись к окну и наблюдая за тем, как разные оттенки синего сменяют друг друга. Плейлист мой тут же раскритиковал бы всякий, кто ходил в церковь. Цвет океана смешался с цветом неба, и сложно было понять, где заканчивается одно и начинается другое.

К моему удивлению, в аэропорту меня ждал лимузин. Отец заказал: видимо, чтобы успокоить собственную совесть.

Небо приобрело серый оттенок, кажется, что вот-вот начнется гроза. На железных воротах красовалась буква «D», которая распалась на две половинки, когда мы подъехали к институту – створки открылись. Участок окружала высокая кирпичная стена. Вместе с воротами закрывался и единственный путь наружу. Если бы не охранник, которого прислали из Долора, я бы выпрыгнула из машины при первой же возможности. Чемодан мне все равно не пригодился бы – даже с учетом того, что внутри лежали презервативы. В Британии я бы не потерялась: могла бы попрошайничать и спать на улице. Я представила, как отец получает сообщение о моем исчезновении, и улыбнулась. Хотела бы я быть мухой на стене и подслушать этот разговор.

Огромный немец усмехнулся, стоило только этой мысли промелькнуть в моей голове. То есть я не знала, откуда он наверняка, но он выглядел так, словно мог бы приехать и из Германии. Высокий, с выбритой головой, квадратной челюстью и светлыми глазами, мускулистый. Он не разговаривал, но я сразу представила, как он рывкает во время игры в американский футбол. Знал ли охранник, что я задумала? Наверняка кто-то уже порывался сбежать и до меня. Я могла бы представить с дюжину разных способов побега, и у каждого следующего конец был еще печальнее, чем у предыдущего.

Я откинулась на черном кожаном сиденье, отвела взгляд от высокого немца и посмотрела на замок сквозь затонированное стекло. Слева высилась башня, справа стояло какое-то отдельное здание из бетона. Замок пестрел викторианскими окнами с черными решетками поверх стекол.

Выхода нет.

Лимузин остановился, и ко мне подскочил встречающий, да так быстро, что водитель не успел даже открыть дверь.

– Благодарю, Стэнли, – обратился к немцу престарелый джентльмен. – Приветствую вас, мисс Джетт, добро пожаловать в Долор. Я – директор Линч. А теперь прошу за мной.

Он не протянул мне руки для приветствия, и я облегченно вздохнула, схватила чемодан и последовала за ним – наушники болтались вокруг шеи. Мы прошли сквозь двойные деревян-

ные двери и оказались у поста охраны. Стэнли забрал у меня чемодан, положил его на ленту и мои вещи просканировали второй раз за последние двадцать четыре часа.

– Руки вверх. – Стэнли махнул палкой.

Так он говорящий!

Я подняла руки и взгляд к потолку.

– Это так необходимо?

Стэнли провел детектором по обе стороны от моей груди, опустил его ниже, и тот зазвенел на уровне моего бедра.

– Давай сюда. – Линч протянул руку. – Телефоны запрещены.

– Да вы издеваетесь! Мне даже музыку слушать нельзя?

Пошли они к черту. Разговоры переоценены. Может, и хорошо, если я больше никогда не заговорю ни с отцом, ни с Дианой.

– Наушники и другие ценные вещи мы тоже заберем.

Я распутала наушники и уронила их на протянутую ладонь.

– Кровь и отпечатки пальцев тоже нужны?

Линч опустил плечи.

– До этого еще дойдет.

Я нахмурилась. *Он ведь шутит, правда?*

Директор Линч лишил меня тех вещей, которые помогали мне не сойти с ума, и я прошла через рамку – та не запищала. Мы с Линчем быстро прошли вниз по коридору по блестящим серо-белым мраморным полам.

Я успела немного оглядеться. Надо же, отделка настоящим деревом.

– С начала учебного года прошло две недели, так что вы уже отстаете. Я так понимаю, это ваш первый год в высшем учебном заведении? – спросил Линч, который уже успел меня сильно обогнать.

Линч был худым и выглядел хрупким. Я понадеялась, что если он повернется ко мне боком, то и вовсе исчезнет.

– Так и есть.

Линч замер, занеся ногу для шага, и я чуть в него не врезалась. Он развернулся, но не исчез, как я надеялась, а склонился надо мной, да так близко, что я увидела его кривые зубы.

– Здесь, в Долоре, мы пользуемся манерами.

Лицо его было белым, а глаза – коричнево-карими и пустыми. На щеках виднелись шрамы от прыщей.

– Да, сэр, – прошептала я, ухмыльнувшись.

Его пустой взгляд впился в меня, но я устояла. В течение девяти лет я каждый день видела такой же взгляд. Ничто меня не сломит.

Линч снова повернулся и продолжил путь по пустому коридору тем же быстрым шагом. Но на этот раз я не стала сокращать расстояния между нами.

Отделанные деревом стены увешаны портретами с такими же пустыми, как и у Линча, глазами. Каждый расположился в тусклой латунной раме. Казалось, что любой, кто пройдет по этому коридору, лишится души.

Мы завернули за угол и оказались в офисе, Линч кивнул, и я села. Всю стену за столом из вишневого дерева заполняли такие же полки. В стене рядом красовалось большое окно, закрытое плотной красной шторой. На столе у Линча лежала одинокая папка с моим именем – и больше ничего. Он опустил на кресло, подкатил его к столу и открыл папку.

– Первый год для вас обернется подготовкой к степени студента – в Штатах это тоже пригодится. Если добьетесь успехов в течение двух лет здесь, в Долоре, в учебе, у психолога и на групповой терапии – с учетом хорошего поведения, то выйдете отсюда с чистыми записями, – Линч достал сверху одну из бумаг и протянул мне. – Вот ваше расписание. Будете встречаться

с доктором Конуэй дважды в неделю, а групповую терапию начнем на второй неделе, когда вы попривыкнете к тому, как тут все обустроено. А это наше руководство. Советую ознакомиться с нашим кодексом поведения, а также с указаниями насчет формы.

Он передал мне толстую книжицу и продолжил:

– Вопросы есть, мисс Джетт?

Я покачала головой, хотя на самом деле часть его речи пропустила мимо ушей.

– Что ж, хорошо. Стэнли проведет вас к кабинету медсестры, а потом покажет, где ваша комната. – Линч закрыл папку и убрал ее в ящик стола, пока в моей голове клубился туман. – Мисс Джетт, если пропустите встречу с доктором, то вас ждет одиночное заключение. Если из-за вас возникнут проблемы, то вас ждет одиночное заключение. Если вы...

Я картинно вздохнула.

– Я поняла. Одиночное заключение.

– Это ваш единственный шанс. Если не будете играть по нашим правилам, то вам придется покинуть Долор. В таком случае вы окажетесь в психиатрическом заведении по указанию вашего судьи. Вы ведь этого не хотите?

Он уставился на меня, и вес его слов тяжким грузом опустился на мои плечи.

– Нет, сэр.

Линч кивнул.

– Стэнли, она вся ваша.

Мы со Стэнли дошли до кабинета медсестры: в пустом коридоре раздавались только стук моих ботинок по мраморному полу и звон ключей на поясе охранника. Я пыталась понять, имеет ли смысл подмазаться к Стэнли, заговорив с ним, но стоило мне открыть рот, как мы уже оказались на месте.

Комната была большой и ослепительно белой: флюоресцентные лампы бросали свет на три больничные койки с белоснежными простынями и три ширмы рядом с ними. У стенок стояли какие-то белые машины и корзины с синими перчатками всех размеров. В нос ударил запах дезинфекции.

– В уборную не нужно? – спросила темнокожая женщина, вышедшая из боковой дверцы.

Стэнли вернулся в коридор и закрыл за собой дверь, но я была уверена, что далеко он не уйдет. Может, останется прямо у двери, как хороший сторожевой песик.

– В уборную? – Я повернулась к медсестре. – Ах, да, точно. Вы тут туалет так называете... нет, не нужно.

– Тогда давай приступим. Снимай штаны и нижнее белье, ложись на стол. Я подожду за занавеской.

У меня взяли мазки, отпечатки пальцев и кровь, потыкали со всех сторон. Медсестра объяснила, что это обычная процедура: проверяли на заболевания, передающиеся половым путем, любые физические аномалии и все остальное, что пошло бы в мою историю болезни. Поговорили о противозачаточных – контроля над этим у меня больше не было. Теперь за этим тоже будет следить медсестра.

Как я и ожидала, Стэнли ждал за дверью. Мы поднялись по мраморной лестнице с чугунными перилами и прошли по коридору с такими же деревянными панелями, как и внизу, а потом завернули за угол.

– Класные комнаты на третьем этаже. Жилые – на втором. В твоем крыле будет карта.

Мы снова повернули налево, и он продолжил.

– Здесь общая ванная, столовая – прямо и направо. – Стэнли махнул рукой. – Ты будешь жить в четвертом крыле, ванную делите с третьим.

– Общая ванная? То есть и для мальчиков, и для девочек?

– Здесь пол неважен. Никакой дискриминации. Ты привыкнешь.

Он остановился, чтобы проверить, успела ли я все понять, а потом развернулся.

По обе стороны коридора высились ряды тяжелых стальных дверей. Пол мраморный, как и везде, а вот стены сделаны из бетона, выкрашенного в небесно-синий. Мы подошли к двери справа, и Стэнли остановился.

– Сегодня у тебя занятий не будет. Ознакомься со сводом правил. Ужин в пять тридцать в столовой, отбой – в восемь тридцать. В восемь сорок пять двери закрываются, автоматически и без промедления. Если захочешь ночью в туалет, в комнате есть кнопка, сразу же придет охранник и сопроводит тебя.

Стэнли стащил со своего пояса связку ключей и открыл дверь. Он внимательно осмотрел комнату, прежде чем впускать меня внутрь.

– Станет лучше, – добавил он, легко считав состояние по моим движениям.

А затем дверь захлопнулась позади меня, и я оказалась в своей новой тюрьме.

Стены здесь были серо-голубыми, как и в коридоре. Такого я не ожидала, хотя и не знала толком, чего ожидать. Полагаю, что комната с белыми мягкими стенами представлялась мне чаще остального во время полета. У левой стены стояла двуспальная кровать без деревянных плашек, застеленная серой простыней. На тонком матрасе валялась подушка. Напротив стоял пустой стол и черный металлический стул. Я подошла к небольшому окну, чтобы полюбоваться видом заднего двора института через решетки: сплошные редкие деревца и кирпичная стена вдалеке, вот и все.

Чемодан ждал меня у двери, но я не торопилась распаковываться. Шкафчика тут не было, только тележка на колесиках под кроватью. Я присела на нее, на кровать, не на тележку, и уставилась в потолок, задумавшись о том, что привело меня в эту дыру.

Я сама. Вот что. Не что, а кто.

Я постоянно дралась в школе и попадала в кабинет директора чаще, чем в классную комнату. В тот день, когда я подожгла машину директора Томсона, меня не только отстранили от учебы, но и арестовали. После многих часов обязательных отработок и терапии я закончила школьный курс на дому с идеальными отметками. Я сама забила гвозди в свой гроб, когда разбила BMW Дианы о гаражную дверь. Отец поговорил с судьей, и меня сослали сюда, чтобы я смогла получить университетский диплом, вместо того чтобы провести время в психушке.

Я была умной, как и большинство социопатов. Судья хотел сделать из меня пример, но я-то знала, что никто и ничего не делает просто по доброте душевной. Судья согласился лишь потому, что это добавило бы в его резюме еще одну историю успеха – мою. Но это все же было куда лучше психушки. Пожалуй.

Я схватила книжку с правилами, подняла ее над головой и распахнула на первой странице. В дверь тут же постучали.

Я перелистнула страницу, не обращая на шум никакого внимания.

Стук повторился, куда более нетерпеливый.

Я спустилась с кроватями и, ругаясь, подошла к двери.

По ту сторону меня ждали двое: девчонка с кудрявыми черными волосами до плеч и тощий блондинистый мальчишка, который был выше ее на пару дюймов. У последнего были яркие голубые глаза и тонкие губы.

– Вот видишь, Джейк! Сказала же, кого-то сюда заселили, – произнесла девчонка и стукнула мальчишку по руке.

Ее шею украшал черный чокер, а лицо – родинка в уголке губ.

– Мне неинтересно. – Я попыталась закрыть дверь, но мальчишка удержал ее ногой.

– А ну-ка, не так быстро!

Я снова распахнула дверь и облокотилась на нее, уперев руку в бок. Зачем они вообще потревожили мой покой?

– Меня зовут Джейк. А это – Алисия.

– Дай угадаю, ты такой приторный и сладкий? Алисии это нравится, да и вы оба не против сдружиться еще с кем-нибудь, потому и решили показать новенькой, что тут к чему?

Алисия и Джейк переглянулись, а потом рассмеялись.

Я закатила глаза.

– Ну?

– Американцев мы здесь не так часто видим, но ты права... – хихикнул Джейк. – Мы не против с кем-нибудь *сдружиться*.

Я махнула рукой.

– Отсоси-ка.

Но предложение мое не стали рассматривать: Джейк чуть склонился вперед, оперевшись руками о колени, и засмеялся еще громче. Алисия легонько постучала его по спине.

– Понимаю, ты вся такая крутая и ненавидишь весь мир. – Сарказм в ее тоне от меня не укрылся. – Но если тебе захочется повеселиться, найди нас в столовой.

Алисия и Джейк развернулись и пошли по коридору, издеваясь над моим акцентом.

– *«Отсоси-ка»!* – протянул один из них и пихнул второго в плечо.

Их смех раскатистыми волнами летал по всему крылу. Я захлопнула дверь сильнее, чем следовало, и снова завалилась на кровать: закрыла лицо кепкой, в надежде забыть их дурацкие британские акценты, которые не прекращали звучать в моей голове.

Когда я снова открыла глаза, на часах было уже без десяти шесть.

Вот дерьмо.

Я заснула и опоздала на целых двадцать минут. Времени на то, чтобы переодеться, не осталось: я выбежала из двери и пошла по пустому коридору, пытаюсь вспомнить слова Стэнли. Как уж там добраться до столовки? Нужно было слушать внимательнее.

А потом я услышала шум разговоров – все ближе и ближе.

Столовую заполняло море белых рубашек и черных штанов. Я смотрела прямо перед собой, пока лавировала между столами, направляясь к очереди за едой. Которой уже, конечно, не было. Разговоры вокруг умолкли: безумие сменилось тишиной. Я слышала недоумевающие вопросы и шепотки по отношению к своей персоне, но взглядом так ни с кем и не встретилась.

К буфету я подошла вместе с престарелой леди в сеточке для волос и забрызганной соусом футболке, вот только она проделала это с другой стороны.

– Прости, но кухня уже закрыта. Может, в следующий раз будешь получше следить за временем. – Я открыла было рот, чтобы возразить, но она перебила меня: – Оу, и на твоём месте я бы вернулась в комнату и переоделась.

А потом она захлопнула дверь прямо перед моим лицом.

– Вы издеваетесь? – вскричала я, надеясь, что меня услышат по ту сторону двери.

В столовой воцарилась тишина: когда я обернулась, на меня уставились сотни глаз.

– Ну что? – Я вскинула в воздух руки.

Тишина.

Я выпучила глаза, ожидая хоть какой-то реакции, но ни у кого ее, похоже, не нашлось.

Все возобновили прерванные разговоры, а я оказалась за пустым столом у окна, выходящего на ворота. Смотреть было не на что: серый день сменялся серой ночью. По лужайке проехал гольф-кар, в котором сидел мужчина в сплошном костюме и собирал мусор. По другую сторону от меня шумели студенты – мои новые друзья. Они сидели за круглыми столами, безо всякого порядка расставленными по залу. Студенты собрались группками и обменялись смешками, улыбками и фырканьем. Старшая школа. В очередной раз.

Я заметила, как Алисия и Джейк бросают на меня взгляды, постоянно перешептываясь. За их столом сидело четыре человека, и они явно не скрывали, о чем именно беседуют. Во

главе стола расположился парень, закинувший свои длиннющие ноги на спинку стула, рядом с ним тощая бледная девица с короткими черными волосами положила голову на стол.

Парень был высоким, нетрудно было догадаться хотя бы по тому, как он положил локти на согнутые ноги. Белая футболка была ему велика, по рукам разбегались чернильные линии татушек. Сложно было заметить, как глубоко он дышит, но я заметила. Я подняла взгляд, и глаза наши встретились. На голове у него висела серая шапка, из-под которой выглядывали темные пряди. Он сдвинул брови и слегка мне кивнул. Я не ответила ему тем же, и он поднял голову, облокотившись подбородком на руки. Я заметила, что пальцы его усеивали кольца, а в уголке рта затаилась ямочка.

Я отвела от него взгляд, и тут же между нами пролетела маленькая картонка молока. Она врезалась прямым лбом мальчишке, который сидел за соседним от меня столом. Белая жидкость брызнула во все стороны и облила его с ног до головы. Зал взорвался смехом, а мальчишка вскочил со своего места и метнулся к огромному окну. Он исторг из себя разъяренный крик, и я отодвинула стул и поднялась.

Парень с татуировками тоже вскочил с места и побежал следом за облитым пацаном.

– Да что с тобой, Лиам? Жить надоело?

Голос у него был громкий, но спокойный, хотя говорил он со стаей лающих гиен.

Он склонился перед орущим пацаном.

– Дыши, Зик. – Он взял его за плечи, и тот поднял на него взгляд – лицо его за секунду из красного сделалось фиолетовым. – Глубокий вдох, ну же.

Парень с татуировками сделал глубокий вдох, досчитал до трех с помощью пальцев, а затем выдохнул. Пацан смотрел на него с тем же восхищением, которое наверняка плескалось и в моих глазах.

Крики его, наконец, прекратились, и он снова смог дышать. Парень с татуировками кинул на меня взгляд, и я тут же отвернулась.

– Давай-ка выйдем отсюда, да? – Он помог пацану – Зику – подняться, и тот привалился к его боку, а потом они вышли из столовой.

– Америка, ты подумала над нашим предложением? – спросил Джейк, когда рядом с моим столом сгрудились его друзья.

Я выдохнула и опустилась за стол, провожая взглядом скрывающихся за углом парня с татушками и Зика, а потом ответила:

– Я ведь говорила. Мне не интересно.

– Если передумаешь, начало в полночь! – сказала Алисия.

Да эти ребята не разглядят намек, даже если он ударит их по лицу.

Девочка с короткими волосами шлепнула Алисию по затылку.

– Алисия, не надо об этом трепаться всем подряд! Нужно сначала с нами со всеми посоветоваться. С Олли говорила?

– Да она нормальная, поверь мне, – продолжила Алисия. – Если повернуться к твоему окну – четвертый блок слева.

– И как же мне туда попасть?

Идти у меня желания не было, но если существовал способ выбраться из комнаты без ключа, то я должна была о нем узнать. Алисия аккуратно указала на вентиляцию, а потом все трое развернулись и ушли.

Три

*Выдавая правду, обнажая ложь, – и вот, меня пожирают паника
и умиротворение.*

Оливер Мастерс

Я всю ночь проворочалась на тонком и удивительно жестком матрасе. После смены часовых поясов и с учетом того, что я спала и в самолете, да еще и днем, попытаться заснуть ночью было бесполезной затеей.

Я умудрилась пересчитать каждую трещинку в бетоне, каждый болтик на стальной двери. Если сосредоточиться как следует, то мне удастся разглядеть созвездия в залитых лунным светом переливах мраморных полов. В шесть утра раздался громкий щелк – это открылась дверь. Точно по расписанию.

Я первой добралась до общей душевой – с зубной щеткой, в новой долорской рубашке и противных до ужаса узких черных джинсах. Шампунь мне взять с собой не разрешили. Кондиционер и дезодорант – тоже. И, конечно, бритву. Отец сказал, что мне все выдадут здесь.

Бетонные стены были выкрашены в белый, справа рядами выстроились шесть раковин: над каждой из них – длинное зеркало. Напротив раковин стояли душевые кабины: кафель по задней стенке, каждая отделена от другой кедровыми деревянными планками и белой занавеской. Чистые полотенца лежали на полках по обе стороны от рядов раковин, а всякие принадлежности для мытья валялись в корзинах между ними – один бренд и для мужчин, и для женщин. К счастью, от запаха кокоса меня не тошнило.

Я выбрала самый дальний душ, включила его и начала ждать, когда вода нагреется. Я была полностью одета, но без макияжа и привычной одежды чувствовала себя почти голой. В мои цели не входило производить на людей впечатление, и в косметике я не нуждалась, но все равно красилась, потому что это не нравилось Диане. Я рисовала самые толстые стрелки, выбирала самый яркий цвет помады и черный лак для ногтей лишь для того, чтобы сводить ее с ума.

Я уставилась на свое отражение: со своими еле заметными веснушками, рассыпанными под глазами и по носу, оно выглядело лет на пять младше, чем обычно. Но глаза не лгали. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: под этими скучными карими радужками полно тайн, боли и отчаяния. Широкие брови обычно отвлекали от истории, которую рассказывали людям мои глаза. Никто не смотрел на меня достаточно долго или достаточно внимательно.

Возьмите, например, моего отца.

В ванной кто-то появился, и я переступила с ноги на ногу. Ко мне подошел тот самый парень с татушками – одежда через плечо, пальцы протирают сонные глаза. Серые пижамные штаны висели низко на бедрах, все остальное закрывала черная футболка. Копна темных волос с одной стороны была примята.

Он отнял руки от лица и заметил меня. Остановился. Уставился, а потом чуть неловко, заспанно улыбнулся и произнес:

– Привет.

Я улыбнулась в ответ, но потому лишь, что улыбка его была заразительной. Только поэтому.

– Привет.

Он не двигался.

А потом я осознала, как долго мы уже так стоим, и повернулась к зеркалу, чтобы включить воду и почистить зубы. Он подошел поближе – я увидела его в отражении позади себя – и

склонился надо мной, чтобы достать с полки полотенце. Аккуратно, стараясь меня не задеть, но все равно чуть медленнее, чем стоило.

Он включил воду в душевой рядом с моей и повесил на крючок одежду и полотенце. Потом повернулся и подошел к раковине, тоже рядом со мной.

Наши глаза встретились в зеркале.

– Мия, так ведь?

Я подметила, какие зеленые у него глаза. Зеленые и безумно красивые. *Такая редкость.* Цвет очень узнаваемый, но в то же время неопиcуемый. Цвет отражения пальмовых деревьев на берегу моря, когда солнце находится в зените. Цвет полудня. Не глубинный синий оттенок океана подальше от линии деревьев, и не белый, где собиралась на песке пена, но то, что было ровно посередине. Идеальное сплетение трех божьих созданий: солнца, деревьев и воды.

От цвета его глаз захватывало дух. Даже в отражении.

– Так.

Он повернулся ко мне всем телом и чуть оперся на раковину: вот так его глаза были еще более прекрасными.

– А я Олли.

Его глаза и его манеры застали меня врасплах. Я вгляделась в его лицо, потом посмотрела на протянутую руку и пожалала ее. Я давно уже никому не пожимала рук. Я вообще правильно это сделала?

Олли ухмыльнулся.

Он положил зубную щетку и бритву на раковину, а потом нахмурился, пытаясь привести свои буйные волосы в порядок. Пряди не прикрывали ушей, но были достаточно длинными для того, чтобы падать на глаза – если не укладывать их, конечно.

– Отличное первое впечатление, да?

Он лениво рассмеялся, но все мое внимание сосредоточилось на лезвии. Я смотрела на него, будто на миллион долларов.

– Как мне достать такую?

Олли опустил взгляд, а потом снова посмотрел на меня, и между его бровей появилась небольшая складка.

– У тебя нет бритвы?

Я покачала головой, и он протянул мне свою – так, словно мы тут запрещенкой барыжили.

– Можешь взять эту. Она новая. Еще не использованная.

– Спасибо.

Мы обменялись улыбками, и он кивнул мне, а потом развернулся и исчез за шторкой.

Вода вскоре нагрелась, я разделась за занавеской, а потом встала под душ. Не горячий, но вполне приятный. Я выдавила на ладонь немного шампуня и намылила голову. Торопиться было некуда. Я надеялась, что Олли закончит до того, как вода в моем душе превратится в лед. Мне плохо удавались разговоры ни о чем: выходило неловко и бессмысленно, и я старалась избегать их, как чумы.

Его душ замолчал, а потом я услышала, как он отодвигает шторку.

– Я бы советовал поторопиться, если хочешь избежать толпы, – прокричал он сквозь шум воды. Голос его был утробным, говорил он медленно, словно с величайшей осторожностью подбирал каждое слово.

Я выглянула в небольшую щель между шторками как раз вовремя, чтобы увидеть в зеркале его татуированный живот, который тут же исчез под футболкой.

– Просто предупреждаю, – добавил он.

А потом ушел, не дождавшись от меня ответа. Через пять минут в душевую повалил народ, и повсюду зашумели вода и разговоры.

Сегодня мой первый учебный день. И сегодня же должна была состояться моя первая сессия с психологом. Ни то, ни другое особого энтузиазма у меня не вызывало. Расписание занятий состояло из четырех повторяющихся курсов: понедельник совпадал со средами, там же затесался психолог, а вторник – с четвергами и групповой терапией. Пятница была отведена под внеклассные занятия, в которых я не собиралась принимать участия.

Я приехала сюда в среду, поэтому завтра меня уже ждали выходные. Групповая терапия мне пока не светила: директор Линч прикрепил на мое расписание напоминание о том, что первые две недели у меня будут индивидуальные разговоры с доктором Конуэй.

Фен мне тоже взять не разрешили, поэтому я распустила волосы, чтобы они высохли прямо так, и надела ботинки. Форма могла быть и хуже: долорская рубашка с воротником была не слишком большой, но и не облегалась, поэтому подошла мне идеально. Пуговицы я застегивать не стала.

В столовой меня тут же накрыли запахи сиропа и бекона. Живот заурчал. Я решила присесть за тот же стол, за которым сидела вчера, – пусть будет моим. Атмосфера за завтраком была совсем другой. Из-за серых облаков проглянуло солнце, и свет его заливал зал. Мои новые товарищи-студенты молчали, медленно возвращаясь к своим столам от буфета. Люди входили в зал нечасто: на лицах их ясно отражался ужас перед предстоящим днем. Алисия, Джейк и их группка друзей сели за тот же стол, за которым сидели вчера.

Джейк помахал мне, но я качнула головой – не сегодня. Друзья мне не нужны. Особенно такие прилипчивые. Люди меня раздражали, а из-за Джейка дни здесь наверняка покажутся еще невыносимее. Я должна была держать голову ниже и потерпеть два года без всяких сложностей. А дружба с Джейком определенно все усложнит. В конце концов чьи-то чувства будут растоптаны из-за моего ядовитого языка и безрассудных поступков. Как всегда, впрочем.

Олли вошел следом, через пару минут. Его коричневые волосы уложены неаккуратной волной. На нем была белая футболка, из-под которой выглядывали тату. Он ослепительно улыбнулся. Почему он не надел долорскую рубашку? Интересно. Он похож на парня, которому вполне могло сойти такое с рук, но мне ясно дали понять, что здесь такое не прокатит.

Рядом с Олли шел еще один парень, чуть пониже, с черными как ночь волосами. Виски у него были выбриты. Кожа – темнее, и он явно только что побрился. Я не расслышала, как их всех зовут, поэтому решила называть его Полночью.

Они оба обернулись на меня, в этот момент Олли что-то шептал Полночи на ухо.

Девчонка с короткими волосами чмокнула Олли в щеку, и он опять бросил взгляд на меня, а потом снова сосредоточился на ней. Поза его сменилась. Она могла быть его девушкой, но, судя по его реакциям, все же вряд ли.

Я сосредоточилась на еде: откусила кусочек панкейка, наблюдая за тем, как Зик, кричащий пацан, ест один.

Люди здесь держались своих группок или предпочитали одиночество. Последние распределились по всем столам, но в столовой все равно легко было определить группы: вот панки, вот задиры, вот спортсмены и дрянные девчонки, а вот и те, кто страдает ментально, – такие, как я, сбежавшие либо из психушки, либо из тюрьмы.

А еще была группа Джейка и Алисии. И она, похоже, была смесью всего сразу.

Олли и Полночь сели за стол, но сначала Олли отыскал меня взглядом. Я его явно интересовала. Странно, что люди вот так пялятся на предмет своего интереса.

Я как-то читала научную работу о разных типах взглядов. *Всего уровней было девять.* Олли сейчас задержался где-то на третьем, что-то вроде «косого взгляда с половинкой». Но если он посмотрит на меня еще раз, то придется повысить его до уровня четыре, «двойной взгляд».

Он отвернулся и продержался еще пару секунд.

А потом снова посмотрел на меня – бум, четвертый уровень, дамы и господа.

Он не отрывал от меня взгляда, и я тоже не могла отвести от него своего. *Пятый уровень.* Эти зеленые глаза меня уравнивали, опускали на землю и в то же время заставляли чувствовать себя парящей над землей. Он улыбнулся, – *шестой уровень* – а я покачала головой. Ну и наглеж. *Постойте, неужели я улыбаюсь? Ох, Господи, я в самом деле улыбаюсь.*

Олли выгнул бровь и отразил мою улыбку. Ямочка на его щеке сделалась еще более заметной, и я – не без усилий – заставила себя перестать улыбаться и успокоиться.

Мне нужно было срочно с кем-нибудь переспать. Желательно еще вчера.

Первый блок занятий прошел быстро. В старшей школе я уже изучала алгебру на университетском уровне, поэтому теперь меня запихнули в класс по тригонометрии. Математика – черное и белое, правильно и неправильно. Четкие, понятные ответы.

После шло введение в литературу. Я зашла в класс, и Джейк тут же вытаращил на меня глаза и хлопнул ладонями по пустой парте позади него.

– Слава тебе, Господи, – прошептал он, когда я присела за парту, которую он для меня приберег. Вряд ли у меня вообще был выбор. – Благодаря тебе это станет куда интереснее.

– Что, все настолько плохо?

Джейк кивнул, а потом продолжил жаловаться на скучного профессора и на количество работ, которые нам придется написать за весь семестр. Литературу, английский и все, что с этим связано, я ненавидела. Я не понимала, как люди могут восхищаться выдумками. И так ли уж это важно для того, чтобы выжить в реальном мире? Разные люди видели в книжках разные вещи, по-другому их интерпретировали, и четких ответов тут не существовало.

После урока Джейк быстренько собрал наш книжки и постарался не отставать от меня, а я уже почти успела выйти за дверь...

– Не против, если дойдем до столовки вместе? – выпалил он, переводя дыхание.

– Только если позволишь тебя прочесть.

– Прочесть? – выдохнул он.

– Да, это такая игра. Люблю в нее играть.

На лице Джейка расцвела любопытная улыбка.

– Лады, да... читай на здоровье.

Я уже все про него поняла, но все равно остановилась, чтобы как следует его рассмотреть, для большего драматизма. Джейк выпрямился, словно подросток на целый дюйм. Во мне было всего метр шестьдесят роста, он же был выше меня сантиметров на десять.

– Итак, Джейкоб... Просишь других называть себя Джейком, чтобы казаться менее... маскулинным...

Он закатил свои голубые глаза и поудобнее перехватил книжки. Джейк не чурался своей женственной стороны, по походке это легко заметить.

– Ты – средний ребенок, – продолжила я. – И у тебя много сестер...

Джейк приоткрыл свои тонкие губы, но я тут же приложила к ним палец и добавила:

– Но у тебя также есть старший брат. Спортивная звезда в твоей семье – с ним всех и сравнивают. Значит, ты – второй с конца по возрасту.

Джейк приподнял брови, и по выражению его лица я поняла, что угадала.

– Семья у тебя религиозная, а ты примерный ребенок, всегда следовал правилам, всегда поступал правильно, но родители все равно послали тебя сюда.

Джейк недоуменно покачал головой.

– Черт побери, а ты хороша!

Я смахнула с плеча несуществующие пылинки.

– Это талант. Хотя чего я не понимаю, так это того, зачем ты согласился сюда приехать. Ты ведь взрослый. Родители не могли силой тебя сюда засунуть.

– Ты права. Они использовали деньги.

По пути в столовую я узнала, что дома Джейка застучали со второй половинкой. Ему даже попрощаться не дали. Сначала институт не согласился принять Джейка, но отец его был пастором, и он предложил выдать здешним студентам возможность общественных работ. В ответ институт должен был принять Джейка.

Он пытался убедить меня посидеть с ним за обедом, но я решила не изменять своему столу. После обеда я достала расписание и поняла, что следующей идет психология – мой любимый предмет. Я сложила руки на столе и положила на них голову. А потом зазвенел звонок.

Я глянула в сторону стола Джейка. Голова девушки с короткими волосами лежала на плече Олли, а тот разговаривал с Полночью. Алисия и Джейк смеялись и показывали пальцем на девушку на другой стороне зала, которая никак не могла донести еду до своего рта. Олли заметил их удивление, повернулся, увидел, над чем они смеются, и тут же стукнул кулаком по столу.

Я не слышала, о чем они говорили, поэтому представила, что передо мной разыгрывается сценка из мыльной оперы.

Девушка с короткими волосами подняла голову и сжалась в клубок. Взгляд Олли остановился на мне. Я тут же отвернулась в другую сторону и уставилась в окно. Вид был не очень интересный, но мне не нравилось, как на меня действует его взгляд. Если я сдамся, то снова потеряю контроль.

А я никогда не теряла контроль. Только он у меня и остался.

В классе психологии было всего десять человек. Почти все передние парты оказались свободны, но я заняла одну из самых дальних. Это сухой расчет: так я могла видеть всех, прекрасно просматривала выход из помещения и свое окружение.

Профессор еще не пришел, и у меня оставалось время на то, чтобы как следует рассмотреть каждого студента. Кто-то сидел на стульях развалившись, кто-то – по струнке, готовый ко всему. Я сразу заметила, у кого в этом классе были друзья, а у кого их не было. На втором ряду, с краю, сидела девочка с короткими светлыми волосами и узкими плечами – она посматривала на дверь каждые десять секунд.

Словно кого-то ждала.

– Добрый день, здравствуйте, день добрый! – В дверь ворвался джентльмен. – Простите, чуть задержался сегодня, но вы можете открыть учебники на главе о пирамиде Маслоу и эмоциональных нуждах, тут же приступим к занятию!

Учитель был чуть ли не крошечным: с серыми, похожими на проволоку, волосами и щетиной на коже. Очки его чуть ли не сползли с носа, когда он забирался на подиум вместе с бумагами. Настоящий неряха: рубашка лишь наполовину заправлена в штаны цвета хаки на два размера больше, чем нужно. Нетрудно догадаться, что опаздывал он часто.

Он поднял взгляд и тут же наткнулся на меня.

– Меня зовут доктор Кипплер. Если вам нужен учебник, позади вас есть парочка лишних.

Я взяла книгу, опустила на свое место и пролистнула пару страничек, пока доктор Кипплер продолжал говорить.

– А, приятно, что вы таки решили к нам присоединиться сегодня, Мастерс.

Я подняла голову и увидела, как Олли занимает место перед блондинистой девчонкой. Все тут же встало на свои места. Она ждала Олли. Ее узкие плечи расслабились, и она заправила короткую прядь за ухо.

– На этот раз я не стану вас наказывать, так как опоздал и сам, но никаких больше предупреждений, – добавил доктор Кипплер.

Но я сразу же поняла, что он произносит это не впервые. Он ведь и сам постоянно опаздывал. Олли кивнул, а потом повернулся к блондинке, и та поприветствовала его, положив руку ему на плечо.

Тут Олли заметил меня, и все его внимание тут же переключилось.

Прошло три секунды, а потом он беззвучно произнес: «Привет».

Блондинистая девчонка повернулась, чтобы понять, кто ей помешал. Прищурилась, глядя на меня, и я тут же махнула на них пальцами.

Доктор Кипплер прокашлялся, и они оба развернулись вперед.

– Мастерс, назовите шесть эмоциональных человеческих нужд.

Олли расслабился и вытянул перед собой ноги.

– Определенность, разнообразие, значимость, любовь, развитие и участие, – ответил парень, даже не удосужившись заглянуть в учебник.

– А что необходимо для выживания? – продолжил Кипплер.

– Определенность, разнообразие, значимость и... любовь.

Я спрятала за кашлем смешок, услышав последнее.

– А, у вас есть возражения... мисс... – Кипплер сверился со списком. – Джетт.

Я постучала карандашом по столу, и все повернулись ко мне.

– Да нет, продолжайте. У вас неплохо получается, – саркастично протянула я, выставив перед собой большой палец.

Я уже бывала в подобных ситуациях, поэтому понимания ждать не приходилось. У меня было свое представление о любви, у них – свое, и все остались бы при старом мнении.

– Бекс, а что наиболее важно для ваших нужд?

Я избежала удара, под него попал рыжий пацан с веснушками, который сидел впереди. Выглядел он как настоящий человек-зажигалка, и рыжие волосы лишь добавляли к образу.

– Значимость.

Я закатила глаза – ну правда же.

– Полагаю, я хочу, чтобы меня замечали и слушали, – добавил Бекс.

Ага, с огоньком и пылко.

– Гвен? – спросил Кипплер.

Девушка с блондинистой стрижкой наконец-то получила имя. Она чуть склонилась вперед, к Олли, и ответила:

– Уверенность.

Олли заерзал на месте, а она продолжила:

– Я хочу чувствовать себя в безопасности, полагаю. Особенно в отношениях.

Воздух в комнате после ее слов словно потяжелел.

– А что насчет вас, Мастерс? Каковы ваши нужды?

Я аж вперед подалась. Я была уверена, что Олли ответит «значимость». С моего приезда девушки оказывали ему больше внимания, чем я получала от Джейка. Он выглядел как человек, который живет ради внимания, которому необходимо, чтобы его желали. Ничем не отличающийся от других.

– Сложно сказать, Кипп. Из всех вариантов я бы назвал любовь, но это ведь не то чтобы эмоция.

Погодите. Что?

– В каком смысле? – спросил доктор Кипплер.

– Эмоции могут меняться – из одной крайности в другую. И зависят от условий. Но любовь... – Он слегка покачал головой. – Любовь никогда не меняется. Она переживает все остальные эмоции. И если она исчезает, то на самом деле никогда и не была любовью.

Олли вздохнул и добавил:

– Любовь – это неизменность, Кипп. Константа. Не эмоция.

Я приподняла брови и принялась дырять взглядом его затылок.

Доктор Кипплер провел рукой по подбородку, задумавшись.

– С учетом всего вышесказанного, каким же другим словом вы бы назвали любовь, если не эмоцией?

Олли усмехнулся.

– Вы мне скажите.

Класс снова затих, а потом доктор Кипплер осмотрелся.

– А вы что скажете, Джетт? Какая эмоция самая важная для вас?

Я чуть склонила голову в сторону Кипплера, раз уж все его внимание вновь сосредоточилось на мне.

– Разнообразие, – выдохнула я, не особо задумываясь над ответом.

– Объясните подробнее?

– Нет.

Доктор Кипплер кивнул в знак уважения к моей честности и повернулся к классу.

– Для тех, кто еще не знаком с разнообразием: это мотивация к поиску перемен или вызова вне привычной рутины. Мастерс не хочет еще как-то изменить пирамиду Маслоу?

– Кипплер ухмыльнулся, посмотрев на Олли, тот покачал головой, и по классу разнеслись смешки. – Что ж. Ваши ответы на мой вопрос помогут понять причину того, почему вы вообще здесь оказались.

Кипплер сложил перед собой руки и засиял, будто бы гордился своим внезапным открытием.

После уроков я зашла в офис доктора Конуэй. Комната была размером с мою, и в окна лился яркий солнечный свет. У стены стояло кожаное кресло, напротив него – заваленный бумагами стол. Синие стены были увешаны плакатами с позитивными цитатами.

Доктор Конуэй повернулась и одарила меня улыбкой.

– Мия, очень приятно наконец с тобой познакомиться! – Она поднялась и протянула мне руку. – Прощу, присаживайся.

Стоило ей только открыть свой рот, как я тут же поняла, что доктор Конуэй – американка. Акцент у нее был бостонский. Густые черные волосы обрамляли лицо и ниспадали на плечи.

– Как тебе дорога?

– Долгая. – Я опустилась в кресло и осмотрела комнату, а потом задержалась на постере с котенком и надписью: *«Сегодня я не буду тревожиться из-за вещей, которые не могу контролировать»*.

Интересно, а котенок-то из-за чего должен тревожиться?

Справа от меня стоял книжный шкаф, заполненный романами, о которых я никогда не слышала, и целой коллекцией книг по самопомощи.

– Да, я тоже не особо скучаю по самолетам... – Доктор Конуэй вздохнула.

– Вы из Бостона?

– И родилась, и выросла. Приехала в Британию в творческий отпуск. В планах моих не было отыскать здесь любовь всей моей жизни, но... – Она вскинула руки. – Всякое случается!

Я отключилась сразу после того, как она упомянула творческий отпуск, но продолжала с интересом кивать. Я вспомнила, как мама рассказывала о том, что приезжала сюда во время своего отпуска. Видимо, Англия манила множество зарубежных студентов.

– Так скажи мне, как думаешь, почему ты здесь? – спросила она.

– Я оказалась здесь, потому что отец мой отказывается признавать очевидное. Он не отправил меня в психушку только потому, что его единственная дочь должна закончить универ и зажить нормальной жизнью.

– А тебе место в психушке?

– Мне нигде нет места.

Доктор Конуэй постучала по папке с моим делом длинными нарощенными ногтями и скрестила ноги.

– Я читала твое дело, Мия. Ты страдаешь алекситимией и расстройством эмоциональной отстраненности. Ты дважды пыталась покончить с собой, разбила машину своей мачехи о гараж, подожгла машину своего директора и, мое любимое, – пришла в дом своего психолога в плаще и на каблуках под видом нанятой проститутки. – Она рассмеялась, сменила позу и облокотилась локтями о колени. – Надеюсь, жена его простила.

Я пожала плечами, и атмосфера в комнате переменилась вместе с выражением лица доктора.

– Если ты не против, могу я спросить, почему обе твои попытки суицида не увенчались успехом?

Прямой подход, надо же. Я еще больше склонила голову.

– У меня бы получилось, если бы отец меня не нашел.

– Мне кажется, ты хотела, чтобы отец тебя нашел.

Она ошибалась. Он должен был вернуться домой не раньше пяти.

– Вы промазали.

– Нет, думаю, я все-таки куда-то попала... Могу я спросить кое-что еще? Когда ты в последний раз плакала?

Она серьезно?

– Я не плачу. Для этого я должна хоть что-то чувствовать.

– Ты плакала, когда умерла твоя мать?

Нет.

– Я не хочу о ней говорить.

Доктор Конуэй откинулась на спинку кресла и положила руки на колени.

– Твой отец отметил, что ты не всегда была такой. Должно было что-то произойти... нечто ужасное, что вызвало подобную реакцию. Твой мозг повернул рубильник, чтобы защитить себя. Медицина тут не поможет. Она может лишь продлить время выживания, пока рубильник не окажется в исходной точке.

Тишина.

– Я поговорю с директором, и ты перестанешь принимать таблетки. Но, Мия, ты должна осознанно принять это решение. Только ты способна это сделать.

– Если бы кто-нибудь рассказал мне о том, что со мной случилось, это ускорило бы процесс, – вздохнула я.

– Хотела бы я, чтобы все было так просто... но единственный способ – это вспомнить самой.

Я отвернулась от окон и сосредоточила свое внимание на ней.

– А вы знаете, что со мной случилось?

Доктор Конуэй ответила не сразу. Ее карие глаза смотрели сквозь меня, совсем как глаза моего отца.

– С точки зрения твоего отца – да, но этого будет недостаточно. – Она поднялась и подошла к книжному шкафу, достала оттуда книжку и протянула мне. – Вот твое первое задание.

– Я не читаю, – выдала я.

– С этого момента читаешь. – Она снова опустилась на кресло. – Увидимся в понедельник. Будь готовой рассказать мне о прочитанном.

Я опустила взгляд на обложку. «*Убить пересмешника*».

– И это все? Я просидела здесь сколько, минут пять? И теперь вы хотите, чтобы я ушла и прочла какую-то дурацкую книгу?

– Увидимся в понедельник, Мия. Наслаждайся выходными. – Доктор Конуэй развернула кресло спинкой ко мне. – О, и оставь дверь открытой, когда будешь уходить. У меня скоро еще одна встреча.

Для этой дамочки, похоже, не существовало берегов. Совсем не похоже на тех психологов, с кем мне приходилось иметь дело.

Я добралась до своей комнаты, сгрузила книжки на стол и растянулась на кровати. Часы показывали полтретьего дня. Еще три часа до ужина.

Я положила подушку на лицо, чтобы на меня не падал свет, но спустя две секунды в мою дверь постучали. Я открыла ее и обнаружила в коридоре незнакомца с сумкой через плечо.

– Вам письмо. – Он протянул мне конверт.

На вид ему было лет тридцать. Почтальон улыбнулся, и морщинки у его глаз углубились, а черные волосы закрыли темные ореховые глаза.

– В Долоре есть почтальон?

Он покачал головой.

– Охранник, все еще на стажировке. Так что делаю грязную работу.

Хорошенький. Очень кстати. Я схватила его за рубашку и затащила в комнату, не задумавшись о последствиях. Конверты разлетелись по полу, дверь автоматически закрылась.

Он округлил глаза.

– Мне не разрешено...

– Ой, заткнись, – приказала я и опрокинула его на кровать.

Я нуждалась в близости. Это было на вершине пирамиды нужд Мии, особенно после выдавшегося денька. Охранник-стажер просто оказался в нужное время в нужном месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.